
ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ И СВЯЗЕЙ В ТРУДАХ ЭД. ДЖРБАШЯНА

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

Если охватить мысленным взором полувековой путь академика Эдварда Джрбашяна в армянском литературоведении (1949–1999), то нельзя не заметить широты и многосторонности его научных интересов. Это армянская классическая литература XIX–XX веков, теория литературы, вопросы текстологии, литературных связей, художественного перевода... В каждой из этих областей выдающийся ученый сказал свое слово. Отметим, что самый подход его к рассматриваемым им проблемам никогда не носил узкого, изолированного характера: это был подход разносторонний. Поэтому нередко в трудах, посвященных конкретной проблеме – скажем, историко-литературному анализу творчества Ов. Туманяна, – затрагиваются и вопросы сугубо теоретического характера (о жанрах поэмы и баллады), и вопросы литературных связей, и вопросы перевода... Плодотворность и доказательность любой конкретной научной проблемы, исследуемой Эд. Джрбашяном, обеспечивалась не только углубленным, скрупулезным ее изучением, но и тем «золотым запасом», который составлял фундамент его литературно-критической мысли. Это его обширные знания не только армянской, но и русской и мировой литературы; его неизменный принцип всегда основываться на фактах – жизни ли, литературы, – осмысливать и оценивать любое литературное явление в контексте исторического развития литературы; учитывать конкретную литературно-общественную атмосферу времени и всегда быть в курсе новых тенденций и направлений в литературоведении.

Выделим одну из проблем, всегда остававшихся в центре внимания Эдварда Джрбашяна: это исследование армянской литературы в контексте литературных связей. В том, что эти вопросы интересовали ученого в течение всей его жизни, можно убедиться, просматривая библиографию его трудов, изданную в 1995 году¹. Одна из первых его статей, опубликованная еще в студенческие годы в «Гракан терт» (от 25 мая 1949 г.), называлась «Почему Туманян любил Пушкина?». Последним прижизненным изданием Эд. Джрбашяна стала монография «Пушкин и армянские поэты» (1999). В том же году его не стало. Таким образом, работы в области литературных связей обрамляют путь ученого. Кроме того, библиография показывает, что уже с первых своих шагов Эд. Джрбашян проявлял постоянный интерес к русской классической и современной литературе, в том числе и научной, а также к ее изданиям в армянских переводах. Вот несколько примеров. В 1951 г. публи-

---

¹ См. «Էդվարդ Մկրտչի Զրբաշյան. Կենսամատենագիտություն». Եր., 1995. При ссылке на материалы «Библиографии» страницы указываются в тексте.

куется его рецензия на книгу Д. Благого «Творческий путь Пушкина»; в 1953-м – рецензия на книгу Б. Бурсова о проблемах реализма; в 1954 г. Эд. Джрбашян пишет статьи к юбилею Лермонтова, с его предисловием выходит на армянском языке драма Лермонтова «Маскарад». Этим же годом отмечены статьи о Горьком, Чернышевском, а также о поэме Твардовского «Василий Теркин» и ее армянском переводе... И в дальнейшем Эд. Джрбашян плодотворно работает в этой сфере – так сказать, в параллельных плоскостях. С одной стороны, он исследует вопросы литературных воздействий в армянской литературе, пишет предисловия к различным изданиям русской литературы на армянском языке, откликается на новые армянские переводы произведений русской классики (так, им был отрецензирован пятый по счету армянский перевод поэмы Лермонтова «Демон», выполненный Вазгеном Геворкяном); в периодике постоянно печатаются его статьи в связи с юбилеями Пушкина, Лермонтова, Гоголя... С другой стороны, своими публикациями на русском языке он знакомит широкого читателя с армянской классической и современной литературой, пишет рецензии на отдельные научные издания армянских литературоведов. Его статьи печатались в «Литературной газете», в журналах «Дружба народов», «Вопросы литературы». Несколько статей Эд. Джрбашяна об армянских писателях помещено в «Краткой литературной энциклопедии». Кроме того, имя Эд. Джрбашяна было знакомо всесоюзному читателю по его предисловиям к русским изданиям армянской литературы. Особенно хотелось бы отметить его вступительную статью к первой на русском языке антологии западноармянской поэзии – «Армянские поэты нового времени», изданной в 1983 году в Ленинграде в Большой серии «Библиотеки поэта». Статья эта, озаглавленная «Поэзия скорби и борьбы», впервые раскрывала перед русским читателем всю панораму развития западноармянской поэзии XIX–XX веков – от Гевонда Алишана до Матеоса Зарифяна. И, наконец, на русском языке выходили в свет книги Эд. Джрбашяна – «Поэзия Туманяна» (М., 1969), «Поэтика и литературное развитие» (Ер., 1985), «Четыре вершины» (М., 1990).

Эд. Джрбашян придавал большое значение изучению литературных связей. Он не раз говорил, что национальная литература и наука о литературе не могут развиваться изолированно, что подобная изоляция неизбежно приводит к провинциализму. Более двух десятилетий возглавляя Институт литературы им. М. Абегяна НАН, он периодически организовывал всесоюзные и международные научные конференции. Достаточно вспомнить проведенные совместно с ленинградским Институтом русской литературы («Пушкинский дом»), возглавляемым акад. Д. С. Лихачевым, конференции «Три дня древнеармянской литературы в Ленинграде» и «Три дня древнерусской литературы в Ереване» (1979), материалы которых легли в основу двух сборников, изданных в 1982 и 1986 гг.

Обратимся теперь непосредственно к некоторым трудам Эд. Джрбашяна, покажем, какие аспекты творческих воздействий и связей интересовали его и какими своими наблюдениями и выводами он внес весомый вклад в армянское литературоведение. Отметим, что ряд исследований ученого в этой области был включен в его книгу на русском языке «Поэтика и литературное

развитие» (Ер., 1985). Статьи эти составили целый раздел под названием: «Творческие связи и художественное обогащение литературы».

Особо выделим статью «“Абул Ала Маари” Аветика Исаакяна и традиции романтической поэмы». Рассмотрев и охарактеризовав высказанные в разные годы точки зрения на литературные источники знаменитой поэмы (это и творчество самого арабского поэта, именем которого озаглавлено произведение, в связи с чем ученый привлекает материалы из переписки акад. И. Крачковского с В. Брюсовым; это и письма самого Исаакяна; это и нередко высказываемое мнение о влиянии на Исаакяна идей и стиля Фридриха Ницше), Эд. Джрбашян впервые поднимает вопросы, которым, по его мнению, «принадлежит первостепенное место в литературной генеалогии поэмы» (с. 225). Он считает, что произведение должно быть рассмотрено в контексте идейно-художественных традиций романтической поэмы. Он выделяет характерные черты исаакяновского творения, генетически восходящие к классической поэме романтизма. Приведя отрывок из письма Ав. Исаакяна Л. Меликсет-Беку от 29 декабря 1947 года, где поэт, в частности, пишет: «“Абул Ала” очень близок духу “Чайльд-Гарольда” Байрона, “Фариса” Мицкевича и “Мерани” Бараташвили, они очень созвучны моим настроениям; есть духовное родство...», Эд. Джрбашян отмечает: «Как видим, Исаакян связывает свою поэму с вполне определенной литературной традицией, и давно настало время, чтобы критика раскрыла эти связи во всем их объеме и глубине» (с. 233). Раскрытие этих связей и стало главной задачей автора. Проводя параллели между поэмами Байрона и Мицкевича, знаменитым стихотворением Николоза Бараташвили «Мерани» и поэмой Исаакяна, Эд. Джрбашян тонко выявляет нити, связующие эти произведения, находя общность прежде всего в духовном родстве героев, разочаровавшихся в обществе и удалившихся от него. При этом он подчеркивает и черты, которыми различаются эти героискитальцы, герои-одиночки. В частности, отмечает различие их целей. «Чайльд-Гарольд, – пишет он, – отправляется странствовать по Европе, наблюдать, осмысливать и оценивать происходящее в ее общественно-политической жизни. Путь Абул Ала более условный, идеальный, символически-философский, подсказанный жадой добра и красоты, солнца, света. Но исходная позиция у героев одна – глубокое разочарование в окружающей действительности, которое и переисполняет их душу ... “неутолимой жадой скитаний”» (с. 235). Примечательны и наблюдения о сходстве и различии героев Исаакяна и Мицкевича: «Герой Исаакяна хоть и бежит от людей, но при этом в нем есть и общее с Фарисом Мицкевича – бурный порыв к свободе, бесстрашная готовность устремляться навстречу стихии. Мотив нескончаемого пути, непрерывного, неустанного движения составляет основу развития обеих поэм, хотя герой Исаакяна идет не навстречу борьбе, а удаляется от нее» (с. 236). Особенно интересно основанное на конкретных свидетельствах, приведенных в статье, обнаруженное Эд. Джрбашяном сходство в рождении самого замысла поэм у Мицкевича и у Исаакяна, как и сходство в необычайно коротких сроках воплощения этого замысла: у Мицкевича – одна ночь, у Исаакяна – три дня (см. с. 237).

Примечательно, что ученый не ограничивается теми конкретными произведениями, которые назвал сам Исаакян в письме к Л. Меликсет-Беку, а находит связующие с поэмой Исаакяна нити в других произведениях европейской и русской литературы романтизма – например, с поэмой польского поэта Ю. Словацкого «Араб», с творчеством Шелли и, конечно же, с горячо любимым Исаакяном Лермонтовым, с его поэмой «Демон». Подтверждая все свои наблюдения примерами, автор делает убедительный вывод: «Поэма “Абул Ала Маари” по своему жизненному и психологическому содержанию, как и по самому художественному типу и структуре тесно связана с традициями классического романтизма» (с. 241).

Названная статья может служить еще и наглядным примером высказанной нами в самом начале мысли о разностороннем подходе ученого к исследуемому материалу. Мы видим, как, рассматривая конкретную проблему, автор обращается и к вопросам теории литературы (характер творческого метода Исаакяна, жанровые особенности поэмы классицизма и поэмы романтизма и др.), затрагивает и вопросы текстологии (полемизирует с А. Инджикяном, который считал незавершенную поэму Исаакяна «Мой караван» первоначальным вариантом «Абул Ала Маари»).

В 1974 году, к 160-летию со дня рождения Лермонтова, Эд. Джрбашян написал статью «Ваан Терьян и поэзия Лермонтова». Проблема, обозначенная в заглавии, исследовалась в армянском литературоведении впервые. Автор подходит к ней не сразу. Исходя из своего творческого принципа – рассматривать любую научную проблему в ее историческом развитии, он делает краткий экскурс в историю вопроса, отмечает важные вехи в освоении творчества русского поэта в армянской действительности и литературе и, конечно же, более подробно характеризует роль Лермонтова в творчестве двух великих армянских поэтов конца XIX и начала XX века – Туманяна и Исаакяна. А переход к самой теме – Терьян и поэзия Лермонтова – Эд. Джрбашян начинает с того, что ее исследователь сталкивается с определенными трудностями, ибо «не может в данном случае опереться на факты известного рода, считающиеся наиболее убедительными при рассмотрении таких вопросов: Терьян не перевел ни одного произведения Лермонтова и не оставил каких-либо прямых высказываний о нем» (с. 246). Между тем автор считает очень важным изучение этого вопроса – как для более глубокого понимания творческого мира Терьяна, так и для более полного исследования темы «Лермонтов и армянская литература».

Какими же фактами оперирует в основном Эд. Джрбашян, раскрывая отношение Ваана Терьяна к Лермонтову? Это тщательно, досконально изученное им эпистолярное наследие поэта, а также сохранившиеся архивные материалы. Приводя отрывки из писем Терьяна, в том числе и написанных по-русски, ученый показывает, что Лермонтов был его любимым поэтом еще с ученических, юных лет; что многие строки, отдельные выражения из лермонтовских стихов Терьян свободно, без указания на источник, использовал в письмах, «органично сплавляя их со своей речью, делая их выражением собственной мысли и чувства» (с. 247), – он знал эти строки наизусть. Об отно-

шении поэта к Лермонтову свидетельствуют и приведенные в статье Джрбашяна материалы о замысле Терьяна издать под своей редакцией первое собрание сочинений Лермонтова на армянском языке. Замысел этот, увы, не осуществился – помешала мировая война. И еще один факт биографии армянского поэта считает автор примечательным: Терьян согласился на предложение Цолака Ханзадяна написать статью о Лермонтове к его 100-летию юбилею. И в этом смысле очень красноречив извлеченный из архива Терьяна и приведенный Джрбашяном список тех научно-критических изданий, с которыми поэт считал необходимым ознакомиться для написания своей статьи. «Это 18 страниц крупного формата под общим заглавием “Лермонтов”». И хотя статья так и не была написана и опубликована по той же причине – начало Первой мировой войны, помешавшей празднованию лермонтовского юбилея, однако «...бесспорно, – заключает автор, – то исключительно ответственное отношение, которое проявил Терьян, готовясь писать статью о великом русском поэте» (с. 251).

Другой аспект темы, интересующий исследователя, – это выявление «следов» лермонтовской поэзии в творчестве Терьяна. Ученый раскрывает этот вопрос очень осторожно, отвергая какие-либо прямые параллели, учитывая как различие эпох, условий и задач общественной жизни, так и различие в традициях национальных литератур и, наконец, различие в мироощущении, в художественном мышлении обоих поэтов. Тем не менее, по его мнению, «эти и другие различия ... отнюдь не мешают увидеть те стороны творчества Терьяна, в которых обнаруживается сходство с поэзией Лермонтова и которые сложились, возможно, не без определенного ее воздействия» (с. 253). Примечательно, что при всем стремлении обнаружить сходство в творчестве поэтов Эд. Джрбашян не склонен рассматривать столь характерные для поэзии Терьяна мотивы тоски и одиночества как результат воздействия лермонтовской поэзии. Он считает, что основной источник этих сходных, казалось бы, настроений «скрыт в эпохе и в индивидуальности каждого поэта». Автор обращается к более достоверным, с его точки зрения, фактам. Так, он полагает, что некоторые мотивы любовной лирики Терьяна несут на себе следы творческого воздействия лермонтовских стихотворений, посвященных Вареньке Лопухиной. Важным аргументом в пользу этой своей гипотезы ученый считает признание Терьяна в его письме 1911 г. к другу – Цолаку Ханзадяну. «Попросив передать свой “самый сердечный привет” жене друга – Вареньке, – пишет Эд. Джрбашян, – Терьян добавляет в скобках: “Это имя всегда напоминает мне Лермонтова и его Вареньку Лопухину, в которую еще со школьных лет был влюблен и я вместе с Лермонтовым”» Эти слова Терьяна, по мнению ученого, «красноречиво свидетельствуют о родстве его душевного мира лермонтовскому и о силе воздействия на него поэзии Лермонтова» (с. 246). А затем ученый искусно выявляет параллели между образом лермонтовской героини и некоторыми терьяновскими стихотворениями, которые, по его словам, «состоят в связи с терьяновской влюбленностью в героиню Лермонтова». Приведя целиком стихотворения «Նա ունէր խորունկ երկնագույն աչքեր» из цикла «Грезы сумерек» и «Սիրուն եմ աչքերիդ տխրութիւնը խորին» из цикла

«Золотая сказка», автор выделяет из них те строки и образы, в которых «...изображенная Терьяном женщина (так же, как героиня Лермонтова) возвышается над представлением о любви как о чувственном влечении и страсти и олицетворяет собою высокую силу и красоту душевной близости, душевной связи» (с. 256).

Раскрывая творческие связи Терьяна с поэзией Лермонтова, Эд. Джрбашян обращает внимание и на эпитафии из Лермонтова к терьяновским стихотворным циклам. Один из них остался в рукописи: циклу «Золотая сказка» вначале был предпослан эпитафия из раннего стихотворения Лермонтова «Русская мелодия»: «В уме своем я создал мир иной / И образов иных существование». И эти строки, по мнению Эд. Джрбашяна, выражают одну из наиболее характерных черт не только цикла «Золотая сказка», но и всей поэзии Терьяна (с. 256). А другой эпитафия, взятый Терьяном к своему циклу «Страна Наири», – известная лермонтовская строка «Люблю отчизну я, но странною любовью». И эти слова Эд. Джрбашян считает знаковыми для всего цикла: «они служат ключом к терьяновскому пониманию патриотизма» (с. 256). Ученый доказывает свою мысль, апеллируя к письмам Терьяна, к его статье «Духовная Армения» и, конечно же, к самим стихотворениям цикла. Особенно наглядно сравнение стихотворения Лермонтова «Родина», первая строка которого и послужила эпитафией для всего терьяновского цикла, со стихотворением Терьяна «Դնի հիշիրս չես, իմ հայրենիք». Автор абсолютно убедителен в своем наблюдении о том, что «Терьян вполне, по-видимому, сознательно следовал лермонтовскому принципу развития образа и настроения» (с. 260).

Статья Эд. Джрбашяна ценна не только тем, что, как уже указывалось, воздействие лермонтовской традиции на поэзию Терьяна прослеживалось в армянском литературоведении впервые, но и тем, что это было сделано в основном не на явном, бросающемся в глаза материале (не считая, пожалуй, лермонтовского эпитафия к «Стране Наири»). Статья эта – красноречивое свидетельство одного из основных принципов ученого: вникать в исследуемый материал скрупулезно, во всей его полноте; свидетельство умения на основе, казалось бы, разрозненных и не очень значительных фактов приходить к глубоким и доказательным выводам и обобщениям.

Говоря о вкладе Эд. Джрбашяна в изучение творческих воздействий русских и зарубежных авторов на армянскую литературу, конечно же, невозможно охарактеризовать все его работы в этой области (так, у него есть статья «Максим Горький и Егише Чаренц»). Но нельзя не сказать о его капитальной монографии «Пушкин и армянские поэты», которая вышла в свет к юбилею Пушкина в 1999 году. Этот целостный фундаментальный труд – плод многолетних научных изысканий.

В монографии раскрыты многообразные формы воздействия Пушкина на творчество около двадцати восточноармянских поэтов. Автор анализирует материал в хронологической последовательности. Он выявляет и характеризует пушкинские «следы» в армянской поэзии с 30-х годов XIX века вплоть до 80-90-х гг. века XX-го. И в этой монографии особенно ярко и наглядно проявилась черта, присущая исследовательскому методу ученого: насыщенность

фактическим материалом. Отовсюду – из армянской периодической печати, критических статей, творчества поэтов, их эпистолярного наследия, мемуаров – извлекает автор то, что связано в армянской действительности и литературе с именем Пушкина. И эти по крупице собранные факты, осмысленные и охарактеризованные Эд. Джрбашьяном, открывают картину огромного воздействия поэзии Пушкина на армянских поэтов – воздействия, как показывает исследователь, многопланового, многогранного.

Важно отметить, что «пушкинское» начало в творчестве армянских поэтов ученый анализирует не по заранее установленной для себя схеме, а всякий раз исходит из особенностей творчества того или иного поэта. В этом смысле примечательны две ключевые – в плане связей с Пушкиным – и так не похожие друг на друга главы монографии: «Пушкин и Туманян», «Егише Чаренц и поэзия Пушкина». Творчество Туманяна освещается по принципу раскрытия типологически сходных с Пушкиным черт: автор рассматривает Ов. Туманяна как явление в армянской действительности, параллельное Пушкину в русской, и показывает общность их литературных взглядов, художественных принципов (к примеру, подход к народному творчеству), общие черты их поэтического искусства. А в главе о Чаренце раскрыта эволюция отношения армянского поэта к поэзии Пушкина – от неприятия в начале 20-х годов («Декларация трех», влияние новой советской идеологии, отрицающей классическое наследие «буржуазного» прошлого) до преклонения, своеобразного культа Пушкина к концу 20-х гг. и до последних месяцев жизни... Выявив и проанализировав все пушкинские «следы» в сборнике Чаренца «Эпический рассвет», автор заключает, что пушкинский «слой» здесь «не только очень богат и многогранен, но проникает в самые глубины творчества Чаренца, зачастую определяя не только тему его произведений, но и их художественную структуру, образы, стиль, интонацию»². Говоря же о «Книге пути» и творчестве Чаренца 1934–1937 гг., Эд. Джрбашьян отмечает, что Чаренц в эти годы уже не остается в тех рамках творческого усвоения пушкинских традиций, которые характерны для «Эпического рассвета». «Однако нет никаких оснований, – пишет он, – говорить о том, что Чаренц в это время отошел от Пушкина. Напротив, жизнь и творчество Чаренца этих лет буквально переполнены Пушкиным... Но теперь он припадает к пушкинским истокам по-иному, с другими целями, нежели прежде» (с. 172). И как всегда, убедительно иллюстрирует свои выводы различными конкретными примерами.

Еще одна характерная черта монографии: «пушкинская» тема освещается здесь не изолированно, а на фоне поступательного развития новой армянской литературы, ее характерных особенностей, явлений. Эти особенности сами по себе также становятся предметом анализа и оценки. Таковы, к примеру, в главе о Туманяне рассуждения о народности и реализме в армянской литературе; а в главе «На подступах» показано, что первые шаги Пушкина в армянскую поэзию совпали с периодом становления новой армянской литературы. В связи с этим характеризуется данный период, в частности, и в плане языковой

---

² **Էդ. Զրբաշյան**, Պոուկինը եւ հայ բանաստեղծները, էջ 171, Եր., 1999. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

ситуации (примечательно, что первые армянские переводы из Пушкина были сделаны на грабаре: ашхарабар еще не был готов к тому, чтобы озвучить поэзию Пушкина). Такой, наряду с основной темой исследования, параллельный анализ фактов и явлений армянской литературы составляет как бы внутренний, глубинный научный пласт монографии. И эта книга – еще одно яркое доказательство того, что в исследованиях Эд. Джрбашяна «скрещивались» и переплетались, дополняя и обогащая друг друга, разносторонние знания и интересы автора в разных областях науки: история литературы, теория литературы, литературные взаимосвязи, поэтический перевод.

Конечно же, в монографии уделено немалое место переводам пушкинских творений на армянский язык. Прослежена история этих переводов, начиная с самых первых образцов, выполненных Мкртичем Эмином в 30-е годы XIX века. Выделяя роль Александра Цатуряна, автор высоко оценивает и работу Газароса Агаяна, Ов. Туманяна, Атабека Хнкояна, Егише Чаренца и др. Сравниваются и разные переводы одного и того же поэтического текста, освещается история переводов отдельных произведений – «Сказки о рыбаке и рыбке», «Евгения Онегина», «Я памятник себе воздвиг...». Рассматривая переводы поэзии Пушкина, автор задается и таким вопросом: какие размеры армянского стиха наиболее точно воссоздают ритмический рисунок пушкинских оригиналов? В этом плане особенно интересен анализ переводов пушкинского «Памятника», которым отведена отдельная глава. Глава эта изумляет читателя тем, что завершается собственным переводом Эд. Джрбашяна: его научные интересы и изыскания пробудили живший в нем поэтический дар. Перевод этот подробно проанализирован и высоко оценен в статье Наталии Гончар. Сравнив его с переводом Н. Заряна (наиболее удачным из армянских версий знаменитого стихотворения), автор убедительно показывает, «насколько вернее перевод Джрбашяна ... стилистике пушкинского слова, насколько естественнее отзывается он звучанию оригинала самим строем речи»³.

Еще раз подчеркнув непреходящее значение монографии Эд. Джрбашяна «Пушкин и армянские поэты» – капитального научного труда, в котором с наибольшей полнотой освещена и охарактеризована история армянской пушкинианы, – обратимся к очень, на наш взгляд, важной работе ученого – «Природа армянского стиха и проблемы перевода».

У Эд. Джрбашяна были заветные темы, которые его волновали многие годы и над которыми он работал с юношеским увлечением. Одной из таких тем стали характер и особенности армянского стихосложения. Вклад ученого в исследование армянского стихосложения должен быть обязательно отмечен, хотя на первый взгляд кажется, что это вопрос, касающийся сугубо теории литературы. Однако этот вопрос неизбежно возникает и при переводе поэзии, и при анализе и оценке поэтических переводов. Следовательно, он имеет непосредственное отношение к проблеме литературных взаимосвязей.

Первые статьи Эд. Джрбашяна на эту тему появились в начале 70-х гг. (а последнее, монографическое исследование «Система стихосложения Ваана

---

³ **Н. Гончар.** Два шедевра русской лирики в переводе Эд. Джрбашяна // «Вестник Ереванского университета. Арменоведение». 141.1, 2013, с. 77.

Терьяна», вышло в 1995 году). Тогда же, в начале же 70-х, он обращается к общему, теоретическому вопросу, который занимал армянских ученых еще с начала XIX века: какая система стихосложения наиболее характерна для армянской поэзии? Приведя различные точки зрения, в частности акад. Манука Абеяна о тонической природе армянского стиха (как уточняет автор, Абеян подразумевал тот вид стиха, который называется силлабо-тоническим), Эд. Джрбашян выдвинул и обосновал тезис о его силлабическом характере. При этом он не отрицает использования в армянской поэзии иных метрических систем, но показывает, что армянское стихосложение основано не на упорядоченном расположении ударений. «Ритмическая структура армянского стиха, – заключает он, – в основном обусловлена равным количеством и определенным расположением слогов в строках и их составных частях (полустушиях, сложных стопах)»⁴.

Этот сугубо теоретический вывод имеет, как показано в статье, и практическое значение, в том числе и для переводов поэзии, в частности на армянский и с армянского. Надо ли требовать от переводчика точного воспроизведения ритмической структуры оригинала? – вот вопрос, который задает и на который отвечает автор, и это актуально по сей день, потому что и сегодня мы сталкиваемся со случаями, когда, анализируя и оценивая поэтический перевод, критики вменяют в вину переводчикам отклонение от размера и ритмического рисунка оригинала. Между тем подобные обвинения неправомерны, ибо всегда надо исходить из стихии, особенностей языка перевода, добиваться естественного звучания переводного текста. Эд. Джрбашян на примере классического образца армянского переводческого искусства – стихотворения Пушкина «Зимний вечер» в переводе Ов. Туманяна – показал, что оригинал и перевод принадлежат к разным метрическим системам. «Как это ни может показаться парадоксальным, – пишет он, – но если бы Туманян обязательно постарался сохранить метрическую систему оригинала, звучание его стиха не было бы столь естественным и гармоничным для армянского читателя и могло помешать восприятию всей поэтической глубины и выразительной силы пушкинского стиха». И очень важен заключительный вывод автора: «...Сохранение метрической системы оригинала при переводе зачастую не только невозможно, но и нежелательно, неплодотворно, поскольку система эта может не соответствовать фонетическим и интонационным особенностям другого языка, что неизбежно приведет к потерям существенных сторон подлинника. ... Об этом должны помнить как поэты-переводчики, так и те, кто исследует переводы, сделанные с языков, имеющих иные по сравнению с языком перевода принципы стихосложения» (с. 320). Так что и в этой своей статье – прежде всего, конечно, теоретического характера – ученый затронул важнейшие вопросы, связанные с поэтическим переводом, а значит – с проблемами взаимодействия и взаимообогащения литератур.

Труды Эдварда Джрбашяна, посвященные литературным взаимодействиям и связям, и постановкой самых разных проблем, и их разносторонним

---

⁴ «Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литератур». Ер., 1973, с. 317.

раскрытием на основе богатого фактического материала, и убедительностью выводов еще раз наглядно свидетельствуют о весомом вкладе выдающегося ученого в армянское литературоведение.

Ключевые слова – *Академик Джрбашян, литературные связи, разносторонний подход, переводы, стихосложение, значительный вклад*

ՄԱԳՐԱ ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ – Գրական ազդեցությունների և կապերի խնդիրները էդ. Ջրբաշյանի աշխատություններում – Հոդվածում լուսաբանված և արժևորված են ակադ. էդ. Ջրբաշյանի այն աշխատությունները, որոնցում քննվում են հայ գրականության հարցերը գրական ազդեցությունների և կապերի համատեքստում: Այդ հարցերը միշտ եղել են գիտնականի սևեռում ուշադրության կենտրոնում: Նշված խնդիրներին նվիրված բազմաթիվ գործերից առանձնացված և վերլուծված են մի քանի հոդվածներ, ինչպես նաև «Պուշկինը և հայ բանաստեղծները» մենագրությունը: Էդ Ջրբաշյանի աշխատանքները թե՛ ամենատարբեր խնդիրների հարցադրումով, թե՛ փաստական հարուստ նյութի հիման վրա դրանց բազմակողմանի բացահայտումներով, թե՛ եզրակացությունների հիմնավորությամբ ակնհայտորեն վկայում են հայ գրականագիտության մեջ գրական կապերի և ազդեցությունների ուսումնասիրման ասպարեզում գիտնականի ներդրած ծանրակշիռ ավանդի մասին:

Բանալի բառեր – *ակադեմիկոս Ջրբաշյան, գրական կապեր, բազմակողմանի մոտեցում, թարգմանություններ, տաղաչափություն, զգալի ներդրում*

MAGDA JANPOLADYAN – *The Issues of Literary Relationships and Effects in the Works of Ed. Jrbashyan.* – The article covers and values the works of academician Jrbashyan related to the issues of Armenian literature in the context of literary effects and relationships. Those issues have always been on the focus of the scientist’s intent attention. Several articles are chosen and analyzed from the various works dedicated to the mentioned issues, as well as the monograph named “Pushkin and Armenian poets”. The questionings on various problems, discoveries on the base of factual material, as well as the thoroughness of conclusions visually prove Ed. Jrbashyan’s solid investment in the research sphere of Armenian literary relationships and effects.

Key words – *academician Jrbashyan, literary ties, many-sided approach, translations, versification, considerable contribution*